

Владимир Зенкин

ТИФ О ДРУГОЙ ЭВРИДИКЕ

В фантастическом романе известного писателя Владимира Зенкина описывается Рефиновская воронка — настоящее чудо природы, загадочное образование неизвестного и необъяснимого происхождения. Это гигантская выемка безупречно круглой формы, на дне которой — огромные каменные глыбы. Место это обладает мистической способностью возвращать душевное равновесие, благотворно влиять на психологическое состояние человека, благодаря чему оно стало панацеей для сложных пациентов местной клиники.

Но однажды рефиновская воронка становится причиной таинственных и необъяснимых смертей...

Книга Владимира Зенкина «Миф о другой Эвридике» — философско-психологический фантастический роман о жизни за гранью нашего понимания, вне нашего мира и привычной реальности. На долю его героев выпали опасные и невероятные события, которые позволят им возвыситься над человеческим бытием и познать «прекрасный и яростный мир», неподвластный обыденному человеческому пониманию.

Владимир Зенкин

Миф о другой Эвридике

10. Предисловье¹

Две сущности бытия не враждебны друг другу и не напрочь друг от друга отчуждены. Они связаны узкими тропо-скважинами, проходящими сквозь граничный слой — Подступ.

Окончания скважин в нижней, сдвоенной сущности, то есть, в вещественно-духовном мире,

¹ Так уж вышло, что десятую главу первой части, худшую главу в книге, досадно не похожую на остальные главы, пришлось ампутировать из текста, сделать донельзя краткой (совсем бы её выкинуть на фиг!.. если б не коварный связующий смысл ею несомый) и назвать предисловьем.

Худшую?.. Не потому, что не старался я. А просто невозможно (для меня, по крайней мере) человеческими словами-понятьями отпечатлеть то, что существует за пределами человеческих понятий и слов. Но. Су-Ще-Ству-Ет. Вот — неколебимо главное.

А я... рискнул дотянуться, почувствовать, как получится. А получилось, как получилось... а не так, как есть.

Так что, пускай глава эта неприкаянная появится первой остальных, чтоб мне сразу за неё откраснеть — отморгаться и, если читатель на ней не захлопнет со справедливым раздражением книгу, далее (обещаю!) всё будет более-менее благопристойно.

располагаются на нескольких характерных участках поверхности Земли. Первоначально они были надёжно укрыты от влияния земных стихий, а главное, от никчёмной любознательности людей, которым невдомёк, что встреча с прямым выплеском иносушностной среды крайне опасна для них. Однако, бурное развитие человечества, процессы миграции, применение техники, воздействующей на ландшафт планеты, весьма понизили эту надёжность.

В верхней, одноцелой, энерго-информной сущности — применительно к обиходному человеческому понятию: в духовном, «послежизненном» мире — находятся специальные субприводы для отворота-затвора скважин. Периоды между включениями субприводов значительны, а время их действия очень кратко — для минимального влияния друг на друга структурно несхожих сред.

Через тропоскважины проникают в нижний мир Верители, выполняют свои контролирующие и балансирующие функции и возвращаются обратно. Находятся они там, разумеется, в виде личностных информных полей, недоступных для восприятия чувствами и приборами обитателей этого мира.

Вернуться назад Верители, в принципе, могут и напрямую, через слой Подступа. Но это

потребовало бы очень большого расхода индивидуальной энергии; снизился бы общий потенциал, который потом нелегко восстановить.

Кстати, не помешает попутно пояснить, что в верхнюю сущность, через границу и Подступ, поднимаются все без исключения духовные матричные комплексы разумных обитателей нижнего мира, а именно: в ортодоксно земных понятиях — души. Это неминуемая и важная часть Программы Двусущностного Генезиса человека, разработанной Творцами. Для этого непростого процесса затрачивается энергия, высвобождаемая при разъединении двух компонент человеческого индивидуума: духа (души) и тела. То есть, во время его физиологической смерти.

Так вот. В описываемый здесь момент отворилась одна из скважин, через которую вернулся назад Веритель. Прибывшего, по обыкновению, встречал Аналитик, чтобы принять у него отчётные сведения. И разумеется, для дружеской беседы. Беседа, как вы понимаете, велась не посредством слов, за отсутствием органов для их говоренья и слушанья, а универсальным способом: рекомбинациями личностных информных импульсов.

Это единственный (и вседостаточный) способ общения в энергетическом мире.

Аналитик: — Ты чем-то расстроен?

Веритель: — Зверёныш остался там. Не успел проскочить.

Аналитик: — Почему?

Веритель: — Отстал. Отвлёкся на какую-то мелочь. Надо было мне его первым вбросить в скважину.

Аналитик: — Надо было помнить, что скважина отворяется на короткое время.

Веритель: — Недоследил, извини.

Аналитик: — Перед зверёнышем извиняйся. Зачем ты, его с собой взял?

Веритель: — Очень просил. Любопытный он. И очень привязан ко мне.

Аналитик: — Ты же знаешь, что... нежелательно.

Веритель: — Но не запрещено. Другие тоже брали с собой зверёнышей. Для их полноценного развития. Контраст впечатлений очень много даёт.

Аналитик: — У других они не оставались там.

Веритель: — Моя вина, признаю. Что делать? Ждать следующего отвора?

Аналитик: — Самому пройти напрямую, через границу и Подступ, у него сил не хватит.

Веритель: — Подождёт. Он смиренный и понятливый.

Аналитик: — Пока он сам в себе. Рядом со скважиной.

Веритель: — Там он и будет. Ему известны

правила.

Аналитик:- Следует срочно ввести правило о запрете неодионых проникновений. Нельзя рисковать.

Веритель: — Он спокойно дождётся.

Аналитик: — Ты так уверен? Кто может оказаться с ним рядом? Вдруг, с кем-то сконсонирует его импульсный спектр.

Веритель: — Вероятность очень мала. В любом случае, Закон о Невмешательстве он знает.

Аналитик: — Не настолько неукоснительно, чтоб оставаться там одному. Молод он и неопытен.

Веритель: — Моя вина. Готов нести ответственность.

Аналитик: — Подумаем.

Веритель: — С этой скважиной ещё проблемы. Выход слишком доступен. Второй случай попадания людей под выплеск среды.

Аналитик: — Скважина будет ликвидирована. Ещё один, последний отвор. Возможно...

Часть первая

Обрывки причин

Она сама была раем.

Там, где была она — был рай.

Марк Твен

1. Невелов

До чего ж не любил он эти высоконачальственные кабинеты. На тёмном дубе, на жаркой латунной бляхе — «Первый заместитель». Он намеревался пойти к самому мэру, но его направили к первому заместителю: мол, вопрос ваш не настолько гигантен, и вообще, мэра нет и невесть когда будет.

Он задержался у могучей двери, сооружая на лице в меру торжественную благоозаботу. Монументальная секретарша с пышным костром шафрана на голове, приняв его задержку за нерешительность, кивнула покровительственно.

— Глеб Степанович в курсе.

Невелов отворил дверь и вошёл в кабинет.

Первый зам стоял спиной к нему, у окна, склонившись над аквариумом, и кормил рыбок.

— Здравствуйте — здравствуйте, проходите уважаемый...

— Эдуард Арсеньич Невелов.

— Эдуард Арсеньич. Замечательно, — хозяин кабинета завершил умиленное руководство рыбьим завтраком, разогнулся в плечистого, плотного, средних лет верзилу, потёр друг о друга концы пальцев, стряхивая с них остатки сухого корма, протянул руку Невелову.

— Глеб Степанович. Рад познакомиться. Мы с вами ещё не встречались. По-моему.

— Не доводилось.

— Хорошо, что встретились. Чем больше узнаешь интересных людей, тем жизнь интересней становится. И поучительней. Меня информировали о теме вашего визита. И даже немного заинтриговали оной, — голос у первозама был густ, басист, речь — почти без обычных мягкоковровокабинетноназидательных выжимов, с крапинами иронии, — Эльза Иосифовна, — наклонился он к селектору на столе, — Пригласите, пожалуйста, Никишина. Он знает, зачем.

С начальником управления охраны здоровья населения и защиты окружающей среды города Волстоля Юрием Вадимовичем Никишиным Невелов был формально знаком по городским совещаниям руководителей медицинских учреждений и впечатление о нём себе составил нелестное: тусклый чиновник-прагмат, мыслящий и действующий только в рамках своих обязанностей, не приемлющий риска и азарта; хотя, в духе

времени, ненавязчиво эрудированный, улыбочиво красноречивый, безупречно «лоялизированный». Да. От Никишина ему сегодня вряд ли случится содействие. Хорошо, если нейтралитет. Рассчитывать только на себя.

— Итак, Эдуард Арсеньич, вы являетесь главным врачом известной в городе клиники «Надежда»... — кратким жестом хозяин кабинета показал на небольшие кресла вокруг уютно расположенного у окна столика со столешницей красного тёплого дерева. Сам уселся напротив. Столик, в противову официальному длинному столу, служил, видимо, для доверительных бесед.

— Именно: психотерапевтической специализированной клиники «Надежда», — прокашлявшись, сказал Невелов, — Я возглавляю клинику третий год. До меня был Ирвин Модестович Торн — мой добрый товарищ, золотой человек, мощнейший специалист. Умер... безвременно. К великому сожалению.

— Мн... — философично кивнул головой первозам, — Кто знает, кому когда... Причина?

— Сахарный диабет.

— Вы работали с ним вместе?

— Нет, я работал в мединституте на кафедре психиатрии.

— Сменили институтскую кафедру на обычную клинику?

Глаза у первозама сидели глубоко и прочно под кустистыми бровями, отгороженные друг от друга твёрдой отливкой переносицы; взгляд тягуч, досконален.

— Клиника «Надежда», Глеб Степанович, не совсем обычная клиника.

— Чем же она «не совсем»?

В кабинет вошёл маленький, лысоватый, подвижный, безукоризненно подтянутый Никишин. Улыбнулся Невелову губами, глаза остались в прежнем ответственном серьёзе; протянул вялую руку, занял своё место за столиком, в намереньи прежде послушать, чем говорить.

— Так вот, кратко о нашей клинике, — продолжал Невелов, — Клиника психотерапевтическая. То есть, мы не лечим больных с патологическими расстройствами психики. Для этого есть соответствующие профильные больницы. К нам приходят люди здоровые физически и, в целом, психически. Но люди, пережившие сильные эмоциональные потрясения, душевно травмированные некими событиями, поступками, совершёнными ими или по отношению к ним. Мучимые невозможностью исправить что-то когда-то содеянное, раскаянием, доходящим до морального самоказнительства, или наоборот, жестокой обидой за постигшую их несправедливость. У людей впечатлительных,

одиноких эти переживания часто усиливаются и гипертрофируются, постепенно заполняя всё их личностное пространство, весь горизонт самосознания. Их жизнь превращается в настоящий кошмар. В итоге они могут или оборвать свою жизнь, ослеплённые отчаянием, или сделаться уже безусловными психически больными, требующими изоляции в психолечебнице. Если им вовремя не помочь. Таких людей в теперешнее не нежное время очень много, поверьте. Наша группа медиков: психиатров, психологов, и занимается помощью этим людям.

— Насколько я знаю, — заметил Никишин, — самая эффективная в городе «горячая» телефонная линия психологической помощи задействована от вашей клиники. Как она называется?

— «Ты сможешь!» Да, и линия, и консультационные пункты, и выезды специалистов на дом, на места происшествий и опасных конфликтов. Это, так сказать, разовая, «аварийная» помощь. Но основное для нас — системная и нацеленная работа с людьми. Цель одна — восстановить их деформированное самоличностное ощущение. Возвратить им истинное, благое восприятие окружающего мира и себя в нём. Сказать иначе — мы лечим не столь больное сознание, сколь больную душу. А душа — понятие многотайностное.

— Какими методами? — с цепким интересом спросил Глеб Степанович. Но полунезначайскользнул взглядом по настенным часам, напомнил, что интерес его заужен временем.

— Методы традиционные: общеукрепляющие процедуры, доверительные беседы, ролевые игры, в аккуратных пределах гипноз, обучение самогипнозу... то есть, методы, доступные любому квалифицированному психиатру или психологу. И методы особенные, извлечённые из особенных качеств некоторых наших сотрудников. У нас есть люди, обладающие удивительными способностями. Они могут общаться с пациентами на тонкочувственном уровне, умеют улавливать информотоки сознаний и подсознаний, отделить и погасить негативы, высвободить и оживить позитивы. Например, мой заместитель Рамин Халметов — талантливый, в этом смысле, человек; Лита Дванова, наш ведущий специалист — необыкновенная женщина. Некоторые другие...

У Невелова была привычка в длинных разговорах то и дело безнадобно снимать и надевать очки. Эта невинная процедура меняла его облик, его обличную энергию и укромно действовала на собеседников. Тяжёлая, тёмно янтарная оправа, притемнённые стёкла вкупе с его седеющей бородкой и усами на прочном, костистом лице, с отсеребрённой, но густой, не ладящей с

расчёсками шевелюрой над библейским лбом, являли его во всём монолите собственного духа, неукротимой воли, в незыблемости своей правоты, в прохладной, сумрачной загадке глаз.

Когда же очки с переносицы низлагались на стол, глаза Невелова вдруг представляли какими-то светленько-серенько-простенько-обычайными (первовременное заблужденье плохо вглядевшихся в Эдуарда Арсеевича); аскетичность лица, кадыкатость шеи несколько подтачивали начальный монолитизм, обнаруживая возможность сомнений и душевных смут.

В общем и целом, пристальный собеседник Невелова неизбежно проникался (очки, надо полагать, были не единственной тому причиной) странным, тревожным обаянием его личности.

— Хочу привлечь ваше внимание, господа, к главному, неукоснительному принципу, который мы соблюдаем свято. Он выражен в названии нашей клиники. Это серьёзное слово. Если у человека есть надежда, то для него почти всё преодолимо. И никто не поможет человеку, осенённому надеждой, лучше, чем он сам. Нужно только убедить его в этом. Ещё плавнее: подвигнуть к тому, чтобы он сам себя убедил. Чтоб продрался сквозь тёмный завал собственных домыслов, отчаяний, обречений к спокойному горизонту. Мы не привносим в психику людей

ничего извне, не строим в них новые личности. Мы очищаем и разбуживаем старые. Истинные. Могут вас уверить, иногда это очень непросто.

Вы, Глеб Степанович, хотели узнать о наших особых методах работы с пациентами, которые, кроме нас, вряд ли кто применяет.

— Именно, — согласился хозяин кабинета, сдержанно вздохнул, снова скосил взгляд на часы. Возможно, он слегка пожалел о своей любознательности, крадущей у него драгоценное время.

— И о вашей проблеме, конечно, — конкретизировал перевозамовский вздох Никишин, — С которой вы пришли к нам.

— Да-да, разумеется... проблема... — энергично-торопливо, чуть торопливей надобного, закивал головой Невелов. Подняв со стола свои могучие очки, утвердил их на переносице. Продолжил уже солидно и ровно.

— Не то, чтобы проблема... Особый поворот, особый путь, возможно. Очень замысловатый. Но заманчивый. А дело вот в чём. Пригородный посёлок Рефинов; тот, что севернее городского лесопарка. Про рефиновскую воронку вы, наверное, слышали.

— Слышал не раз, но видеть не доводилось, — оживился перевозам.

— Представьте, на безупречной, как стол,

равнине — невесть откуда взявшийся выем окружностью с километр и глубиной метров тридцать. Воронка в земле в виде правильного усечённого конуса. Когда возникла она, никто не знает; жители посёлка утверждают, что она была всегда и не находят в ней ничего чрезвычайного. Как и равнина, она вся покрыта травой и мелким кустарником. Геологи, насколько мне известно, тоже не слишком ею озадачены: всего-навсего осел участок земной поверхности за счёт каких-то внутренних пустот. Но что-то уж очень ровно, очень аккуратно он осел. Может и впрямь осел...

Но главное даже не в самой воронке, а в том, что на её дне. Нагроможденье каменных глыб, самых разных по форме и по размеру.

Откуда взялись камни — тоже загадка. Обнажились отломы глубинных пород при опускании земной поверхности? Принесены невесть когда и оставлены на дне воронки? Чем или кем? Каким-нибудь медленным катаклизмом — ледником, к примеру? А ну как даже, чьей-то неведомой разумной силой? Хотя очень трудно вообразить технические устройства, способные перенести издалека — ведь в округе нет никаких признаков гор, никаких каменных залежей — глыбы, высотой в два-три человеческих роста. Еще трудней представить — зачем.

Словом, загадка воронки и её каменного

содержимого ещё ждёт своего отгадчика. Но наш интерес не в этом. Свойство одной странной конструкции из этих камней — вот, что нас волнует.

Каменные глыбы, глубоко вросшие в землю, лежащие, как попало, образуют между собой расщелины и узкие проходы. Так вот, если пробраться через одну довольно тесную расщелину, можно попасть во внутреннюю полость. Она образована двумя огромными глыбами, почему-то выкрошенными изнутри и соединёнными меж собой. Возможно, это изначально была одна глыба, каким-то неведомым образом разделённая надвое. Обе части плотно прижаты друг к другу, в них находится полость. В основаниях глыб, вросших в землю, имеется проход в неё.

Неясно как, но полость получилась овальной формы, размерами... раза в два побольше вашего кабинета. Натуральная каменная пещера с очень неровной, грубо издолбленной внутренней поверхностью. Словно её вырубали кайлом. Или отбойным молотком.

— Вы считаете, что эта пещера искусственного происхождения? — усмехнулся Никишин.

— Откуда мне знать, я не специалист. Лично моё впечатление, возможно, абсурдное: полость выдолблена в двух частях разделённой каменной

глыбы, а части плотно соединены. Причём, выдолбленного материала, мелких осколков или щебня, там нет нигде: ни в полости — ни вокруг камней, ни в верхнем слое почвы. Значит, предположение, что камень сам собою изнутри выкрошился тоже не очень правдоподобно. Вот такой парадокс.

— Насколько я просвещён, как бывший историк, — сказал первозам, — никаких следов древних развитых цивилизаций в наших местах не обнаружено. Редкие первообщинные племена, разве что.

— Племенам такие работы никак не под силу. Они и для современной техники — весьма и весьма.

— Ладно. Что для вас-то, для вашей клиники — в этих камнях?

— В этом всё дело, — заметно волнуясь, Невелов снял очки, положил на стол, потерев пальцами короткую бородку, — Камни эти являются источниками каких-то тонких энергополей, воздействующих на психику человека. Внутри полости воздействие намного сильнее. Хотя никакие физические приборы эти поля не улавливают, обычные органы чувств — тоже. Поля эти действуют непосредственно на мозг человека, на его сознание и подсознание. И что самое удивительное — действует благотворно.

— Я знаю эту историю, — вмешался

Никишин, аккуратные гимнастёрочные глаза его оживились, — У истории этой вполне радужное начало и не очень радужный конец. Семь лет тому? Когда не ошибся.

— Около семи. Не ошиблись, — более жёстко, более громко сказал Невелов, — С вашего позволения, — повернулся от Никишина к первозаму, — я расскажу её не с конца, а с начала. Некоторые жители Рефинова давно догадывались, что камни эти не просты. Кое-кто специально ходил к ним, чтобы утешиться в несчастьях, обрести душевный покой, разобраться со своими чувствами. Большинство же жителей относилось к ним без особого почтения: камни и камни себе, а всё остальное — домыслы легковерных. Дети изредка там бывали: заглядывали в расщелины, взбирались на верхушки валунов. Никаких особенных происшествий, ничего подозрительного.

Мой глубокочтимый предшественник, основатель клиники «Надежда», — потеплел, поторжественнел голос Невелова, — Ирвин Модестович Торн случайно узнал про рефиновскую воронку. Приехал, поговорил с рефиновцами, осмотрел камни, с помощью местных энтузиастов подкопал, расширил проход в пещеру, проник в неё. Через несколько дней привёз целую группу специалистов: геологов, геофизиков, радиологов, с соответствующей аппаратурой. Произвели массу

замеров, сделали анализы состава камней, грунта, почвенных вод, воздуха, Бог весть, чего ещё... Результаты были очаровательны: радиоактивность — в допустимых пределах; геомагнитные поля — в норме; грунт как грунт, вода как вода; камни — заурядные базальты с вкраплениями доломита, кварца, слюды. Нигде никоих крамольных примесей, ни маломальских аномалий. Никакого вреда физическому здоровью человека — таковы были выводы специалистов. И — странная, но несомненная польза здоровью психическому. Здесь Ирвин Модестович был сам специалистом непревзойдённым и этот вывод он сделал сам со своими врачами. Правда, широкой огласке его предавать не спешил.

На протяжении примерно полутора лет клиника «Надежда» использовала камни рефиновской воронки для психотерапевтического воздействия на своих пациентов. Далекое не на всех, конечно, а лишь с самым неблагополучным, самым «аварийным», можно сказать, душевным состоянием; в тех случаях, когда другие, апробированные, методы не очень помогали.

Всё происходило просто. Три-четыре пациента, два-три сопровождающих врача-психотерапевта приезжали на служебном микроавтобусе, всей компанией спускались в воронку. Для начала, для адаптации, прогуливались

вокруг камней, любовались колоритным пейзажем (А и достоин же любования сей пейзаж!), после чего проникали в каменную пещеру. Ровным счётом ничего там не делали, просто усаживались на раскладные стульчики, переговаривались и созерцали живописно корявые стены в свете фонарей, специально для этого приспособленных. Посидев так с час-полтора или побродив по пещере, покидали её через тот же узкий проход. Вот и вся процедура. Поднимались из воронки к месту, где их ждал микроавтобус, и возвращались: кто в клинику, кто по домам.

Что там действовало, какие энерготокы влияли на психику людей? Но пациенты после того (и врачи, кстати, тоже) чувствовали себя гораздо лучше. Достаточно было одного-двух походов в пещеру, чтобы у пациентов до безопасных пределов снизилось внутреннее напряжение, начали пропадать навязчивые состояния, появилась уверенность в себе, благой интерес к своей личности и к окружающим.

За полтора года в рефиновской воронке и в пещере побывало шестьдесят пять пациентов клиники. Все они избавились от своих недугов. Лишь семеро из них обратились в клинику повторно. Остальным психотерапевтическая помощь больше не понадобилась.

— А вы сами были там? — поинтересовался

первозам.

— Был, к сожалению, всего два раза, вместе с Торном. Успел почувствовать на себе.

— Всё это, конечно, замечательно, Эдуард Арсеньич, — ровный, древесный голос Никишина, мимолетающий прохладный взор, — Чем всё закончилось не забудьте рассказать.

— Не забуду, спасибо.

Невелов взглянул на Никишина с беглой скукой. «Интересно, — подумал, — за что я ему так не нравлюсь? За что он так не нравится мне? Созерцатель...».

— Около семи лет назад произошёл совершенно неожиданный печальный инцидент. Молодой врач Эмиль Смагин со своим пациентом Григорием Костюком на машине Смагина приехали к воронке для того, чтобы пробраться в пещеру. Вдвоём. Это было грубым нарушением установленного порядка посещения пещеры только с разрешения главного врача и только группами не менее пяти человек. Непонятно, зачем это им понадобилось; может быть, состояние психики пациента вызвало беспокойство у неопытного Смагина; дело было в воскресенье, связаться с Торном он не смог или не захотел и самолично решил для помощи пациенту воспользоваться чудодейственными свойствами пещеры. Таковы были мотивы или нет — судить трудно, а спросить

не у кого.

— Не у кого? — удивился перевозам.

— Они оба погибли в тот день. Вначале Торну сообщили о смерти Смагина. Переезжая на своей машине автотрассу на въезде в Рефинов, он попал под тяжёлый грузовик. Потом, рядом с входом в пещеру, был найден труп Костюка, прикрытый сломанными ветками. Он умер от остановки сердца. Ни малейших следов насилия на нём не было. Под ногтями его и на обуви обнаружались частицы почвы с земляного пола пещеры. Так доказала экспертиза. Та же почва осталась на обуви Смагина и пыль с камней на его одежде.

Восстановленная по фактам картина событий была такова. Они оба находились в пещере, когда у Костюка случился внезапный сердечный приступ. Он упал на землю и умер в считанные секунды. Смагин не успел оказать ему никакой реальной помощи, у них и медикаментов с собой не было. Смагин вынес своего пациента наружу. Окончательно убедившись, что тот мёртв, прикрыл тело ветками, побежал к машине, чтобы ехать в Рефинов, скорей всего, в местное отделение милиции. До посёлка было — рукой подать. Но... по-всему, находясь в эмоциональном шоке от неожиданной беды, от своего к ней косвенного причастия... возможно, резко ухудшилось самочувствие... или на что-то отвлеклось

внимание... словом, он оказался на пути грузовика, мчащегося по трассе с большой скоростью. Скончался, не приходя в сознание.

— Всё в общем, понятно, — сказал перевозам с чуточным разочарованием в голосе; он, видимо, любил детективы и ожидал более замысловатой истории, — Кроме причины смерти этого... Костюка.

— Вполне объяснимо. Человек пожилой. Несколько лет назад перенёс инфаркт. Мнительность. Неуравновешенность. Резкая смена обстановки. Необычная пещера. Как правило, энергетика пещеры оказывала благотворное, успокаивающее действие на посетителей. Здесь, к сожалению, получилось наоборот. Причины? Вовремя невыявленная клаустрофобия у пациента. Неопытность, самонадеянность врача, не согласовавшего ни с кем свои действия. Нарушение установленных правил...

— Ну и?.. — перевозам уже не мельком, а затажно посмотрел на стенные часы. Отведённое для беседы время подходило к концу.

— Так вот... — заторопился Невелов, — Рефиновская воронка, пещера... смерть человека в пещере, смерть человека после пещеры... Подозрительное, пахнущее криминалом событие. Хотя следствием доказано, что никакого криминала нет. Но. На всякий случай... Во избежание

дальнейших возможных и невозможных инцидентов районные руководители приняли, что называется, радикальные меры. Воронку сверху, по периметру, обнесли оградой из сетки — рабицы с воротами на замке. Расщелину меж камнями, проход в пещеру, засыпали толстым слоем земли с самосвалов. Дабы у рефиновских детей и у празднующих взрослых не было шансов туда попасть. К великому сожалению, не стало шансов туда попасть и у пациентов клиники «Надежда».

Торн не успел даже оспорить с районными администраторами это «высокомудрое» решение. Он оказался перед свершившимся фактом, и доводы его уже ничего не значили.

В течение трёх лет он пытался привлечь внимание городских властей к рефиновской воронке, к загадочным камням и пещере в них. Этот феномен необходимо было изучить, его уникальные свойства могли принести пользу жителям города и не только города. Для этого требовались денежные средства, серьезные специалисты, научная база. Однако, в те поры ни у кого не нашлось ни средств, ни возможности, ни желания. Наверное, время было сложное, нестабильное. Острых проблем невпроворот... Может быть...

У Ирвина Модестовича сильно пошатнулось здоровье. Долгие месяцы он был прикован к постели. Потом... его не стало.

Сейчас, по-моему, времена изменились к лучшему. Сейчас вы — новые, прогрессивные люди во главе города. Я — приемник благородного дела Ирвина Модестовича. Я пришёл вам от его имени, от всей нашей клиники, от себя. С просьбой о помощи и содействии.

Невелов кратко выдохнул. Снял свои очки, аккуратно положил их на безызычную крышку стола. Потолкал, подвигал их пальцем по столу. Поднял очки, повертел в руках, снова водрузил на переносицу.

Пауза была деловита и недолга.

— Суть вашей просьбы ясна, — сказал перевозам, — Итак, рефиновская воронка. У вас есть план реальных работ в этом направлении?

— Конечно.

— Сейчас я должен ехать в Военно-транспортную академию на юбилейное собрание. Обсудите план с Юрием Вадимычем, подкорректируйте, если надо, и представьте мне в развёрнутом, печатном виде. Какие там первые пункты?

— Открыть для нас доступ в рефиновскую воронку. Освободить проход в пещеру. Создать независимую комиссию специалистов для предварительного обследования...

— Вот-вот. Перечислите, каких специалистов, откуда, какие необходимы обследования и, хотя бы

ориентировочно, технические средства. Ну и так далее. По срокам всё распишите. Я вернусь через три часа. Ещё раз встретимся. Будем решать.

* * *

«...проанализировав вышеприведённые результаты комплексного обследования, комиссия вправе сделать предварительное заключение. А именно: так называемая, рефиновская воронка, находящиеся в её нижней части, на земляном грунте, каменные глыбы и, в частности, образованная между ними внутренняя полость, являются объектами не представляющими непосредственной опасности для жизни и здоровья человека и не несущими выраженной угрозы экологической обстановке в данном районе.

Вместе с тем, комиссия подчёркивает, что вблизи каменных глыб и особенно во внутренней полости проявляется некоторое воздействие на психическое и эмоциональное состояние человека.

Воздействие это, по субъективным ощущениям членов комиссии, носит благоприятный, успокаивающий характер. Причина или источник этого воздействия не обнаружены.

Комиссия предлагает незамедлительно провести более доскональное изучение данного феномена, с привлечением к этому...».

2. Симон Дроздов

— Вот здесь твои солдаты, — Салмах, держа ладони на уровне плеч, не сводя глаз с автоматных прицелов, отошёл от дверей сарая, запертых навесным чёрным замком, — Их семеро, они живы, некоторые ранены... слегка. Все хорошо связаны. Будут ли они жить дальше, зависит от тебя.

— Будешь ли ты жить дальше, зависит от меня, — хрипло сказал капитан Дроздов.

— Да. Конечно. Все жизни сплетены вместе.

— Моя с тобой не сплетена.

— Про то лишь Аллаху известно.

В правой руке Салмах сжимал коричневую пластмассовую коробочку — микропульт, очевидно.

Дроздов приблизился к дверям. Широкие створы, разошедшиеся, перекошенные, полностью не закрывались, замок на проушинах оставлял щель пальца в два. Узкое окошко над дверями, без стекла, заделанное ржавой решёткой, давало внутрь немного света. Капитан разглядел фигуры в защитной форме: двое лежащих и пятеро сидящих на полу. Сидящие были связаны по рукам и ногам и чем-то притянуты друг к другу, похоже, проволокой.

— Ребята, вы как?

— Изотов плох, — донёсся голос прапорщика

Микуля, — Пуля в животе. И Левич — в лёгкое. У Онищенко — нога... осколком, кровь теряет. Остальные — более-менее. Поскорей бы, а, товарищ капитан.

— Всё будет в порядке.

Дроздов отошёл от сарая, мрачно оглянул окраину посёлка, место только, что угасшего боя: высаженные гранатами окна трёх ближайших домов, где стояли пулемёты, сизый дым из рваных проёмов, исклёванные пулями саманные стены; срезанные автоматными очередями ветки кустов кизила; горелые пятна на жухлой траве. Задержал взгляд на валяющихся в разных позах трупах боевиков Салмаха. Пятеро живых вояк, обезоруженных, с ладонями на затылках, стояли, ожидая своей участи.

Всё было очень не в порядке сегодня.

Первый взвод лейтенанта Кригина, направленный в посёлок, нарвался на засаду Салмаховской банды. Основные силы роты задержались в ущелье. Рота вынуждена была залечь, рассредоточиться, потратить время на манёвры, на уничтожение двух миномётов и двух крупнокалиберных пулемётов, нагло возникших на горной гряде. Это потерянное время дорого стоило первому взводу.

Теперь, когда банда разгромлена, когда вызван вертолёт, чтобы забрать убитых и раненых и

Лёшу Кригина, их командира, не уцелевшего в неравном бою, Салмах преподнёс свой последний сюрприз.

— Говори, — прорычал капитан, свирепо сжимая пистолет, — У тебя очень мало времени.

— У них его ровно столько же, — повернул голову к сараю Салмах, — Меняем семерых твоих на пятерых моих и меня. Честный уговор. Если я, не приведи Аллах, нажму здесь, — он поднял выше правую руку, демонстрируя микропульт, — там очень сильно взорвётся. А? Семь человек. Пусть живут. И мои пусть живут. Все — хорошие люди. Потому, делаем так. Я со своими дохожу до леса, — он кивнул в сторону зарослей, — Совсем недалеко. Там я оставляю тебе пульт и ключ от замка, и мы исчезаем. Твои люди спасены. Мои люди спасены. Решай быстрее.

— Сильно торопишься, Салмах?

Две ненависти, две пары глаз, оледенённых войной, встретились и долго испытывали друг друга.

— Твои люди ранены, капитан. Им нужна помощь.

— Обыщите их, — распорядился Дроздов, — Его тоже, — показал пистолетом на Салмаха, — Осторожней только.

— Правильно, осторожней. Чтоб случайно я не нажал.

— Тогда ты умрёшь и воскреснешь не один раз. Я тебе обеспечу это.

Ничего подозрительного, могущего вызвать дистанционный взрыв, ни у кого не оказалось.

— Пульт только у меня, — миролюбиво сказал Салмах.

Пока боевиков обыскивали, Дроздов отыскал глазами командира второго взвода старлея Китина, незаметно кивнул ему, скосил взгляд на заросли. Всё понял умный Китин и мгновенно исчез. Он сделает всё незаметно. Он со своими людьми будет ждать бандитов в лесу.

— Видишь, всё без обмана, — скривился Салмах.

— Вперед, — скомандовал Дроздов.

Они шли вниз, по пологому пустырю, к кущаным и древесным зарослям: пятеро боевиков в окружении солдат, готовых открыть огонь. Сам Салмах чуть приотстал; правая ладонь — над плечом, чтоб видна была всем коричневая пластмассовая шоколадина: пульт взрывателя. Глаза его беспокойно зыркали то назад, на оставленный сарай — не пытается ли кто взломать двери; то на Дроздова, шагающего за ним с пистолетом; то на потные, в предчувствии худшего, спины своих людей.

Заросли приблизились. Салмаховская пятёрка замерла в ожидании вплотную к ним. Сам он

остановился, повернулся к капитану, вскользь взглянул на часы, вытянул вперёд руку, призывая остановиться и его.

— Вот, смотри. Я кладу сюда, на камень, пульт и ключ. Ты подходишь, забираешь. Всё честно, а? — злобно сверкнули глаза из-под чёрных бровей.

С невероятной быстротой все шестеро исчезли в зелёной пене.

Через пару секунд оттуда слышались короткие автоматные очереди. Дроздов считал — шесть очередей. «Вот так. Слишком много хочешь, Салмах. Не с тобой играть в благородство. Разгуливать на свободе после столькой крови? Хрена тебе».

Из зарослей появился Китин и несколько его солдат. Спокойно кивнул головой. Старлей знает своё дело. А стреляет он едва ли не лучше всех в полку.

Дроздов поднял с камня ключ и проклятый пульт с красной кнопкой, с торчащим шипом антенны. Пальцы его слегка подрагивали. «Неужели, всё? Всё!..»

Быстро направился назад, к сараю. «Предполагал ли Салмах, что их будут ждать в зарослях? Наверное, предполагал. Судя по его последнему взгляду. Надеялся ускользнуть? Мог бы ускользнуть. Мог бы. Но не от Китина. Зачем он

смотрел на часы? Что-то расчиты...»

Глухо и тяжело рвануло в сарае: вышиблись чёрно-огненным кулачищем створы дверей, вздыбилась и опала рваными шиферными ломтями, серыми рёбрами стропил крыша. Капитана обдало душным, сухим ветром. «Большая противопехотная мина...» — будто бы этот самый неживой ветер прошелестел в мозгу. Его собственные чувства вмиг смялись, сплющились, лишились достоверья. Крик изумленья-отчаянья, — «Как!?. Почему!?.» — был безголос и канул внутрь сознания жестяным, обдирающим комом.

К дверному проёму подходили люди, и капитан подошёл, и тупо заглянул внутрь, в дымную пелену, в бурые призраки стен, в смрад едкой пыли и горелой кровавой плоти...

— Ублюдок Салмах!.. — скрипнул зубами подошедший Китин, — Устроил спектакль с дистанционкой. А сам — на таймер поставил. Пас-ку-да! Чтоб в аду ему гореть!

Сколько всяко-разных взрывов довелось пережить капитану. Сколько раз подрывал он и подрывался. Война, потому что. Но эта мина...

Плоский, очень медленный, очень невнятный мир обступил Дроздова. Хотя, внешне, со стороны, всё гляделось, вроде, обыкновенно.

Приземлялась сизая тонкохвостая акула — вертолёт. Грузились убитые, забирались внутрь

раненные. На носилки, под брезент, укладывали останки тех, кто был в сарае. Капитан хрипло отдавал приказы, разговаривал с вертолётчиками, строил своих людей, готовил роту к возвращению в лагерь.

Но сознание Дроздова существовало отдельно, в чужом мучительном пространстве. Оно плавилось от чугунных, лютых, невыносимых, падающих из неоткуда слов. «Тебе... это... Не Салмаху, тебе — в аду... Ты взорвал... позволил взорваться. Купился, пошёл, как баран, за Салмахом. Вместо, чтобы скорее — в дверь, к таймеру... Он всё рассчитал. А ты... В аду... На тебе — их жизни. Жизни этих ребят — на тебе! На тебе...»

* * *

Мерно покачивается в отмытой голубизне майское солнце, синхронно с солнцем подрагивает на бодром ходу стальная БТРовская туша. Дорога — древний асфальт, местами выбитый до гравия. Окрест — жизнерадостные краски холмов предгорья: темнозелень — светлозелень — изумруд — салат — опал; алые брызги тюльпанов, желть одуванчиков, белобурое безродное мелкоцветье. Вдали — туманно-синие, ещё дальше — туманно-белые громады гор.

Все красоты отлично смотрятся с прохладной

брони, под обдув свежего терпкого ветерка. Ради прощального лицезрения их Дроздов не полез в кабину БТРа, а остался на жёстком, но привычном металле. Рядом с ним, из солидарности-благодарности, сидят два сержанта его роты, два злостных нарушителя, из-за которых он задержался и добирается теперь до станции не с общей полковой колонной, а сам собою.

Полк на станции грузится в эшелон, чтобы покинуть (будем надеяться, навсегда) эти края. Эту войну. Война закончена. Всё — позади. Столько всякого позади!

Он задержался для того, чтобы вызволить с дивизионной гауптвахты двух своих сержантов-дембелей, пошлейшим образом арестованных ночью дежурным по дивизии возле продовольственных складов. Подпитым дембелям приспичило ещё водки, и они отправились на поиски знакомого кладовщика, который эту проблему мог решить.

С трудом убедив начальника гауптвахты, что виновные понесут суровое возмездие на новом месте дислокации, подписав ответственные документы, он забрал гуляк-сержантов, и теперь они сидят рядом, щурясь от весёлого солнца и вкусного ветерка. Насчёт возмездия — это вряд ли; сержантам через неделю домой. Навоевались пацаны. До отвала навоевались. В таких переделках

довелось побывать с ними — не приведи Бог. Живы. Это — всё. Теперь — дорога — станция — эшелон... Живы.

Дроздов взглянул на часы. Чересчур они задержались. Там, наверное, погрузка уже вовсю идёт. Какая же погрузка без него...

— Эй! — крикнул он в открытый люк.

БТР затормозил, из люка высунулся водитель — щуплый солдат с внимательными козьими глазами. Первогодок.

— Ну-ка давай, прибавь ходу.

— Дорога узкая, товарищ капитан...

— Ничего. Прибавь ходу. Но смотри за встречными. Не зацепи. На поворотах особенно.

— Тарщкапитан, куда ему, чайнику, — вмешался кряжистый, белообрый дембель, — Разрешите, я сяду. Прокачу с ветерочком, а?

— Отставить! — рыкнул Дроздов, — Прокатили уже. Спасибо.

Сержант потух, всё внимание сосредоточил на придорожных метёлках-цветочках. Другой сержант — чернявый, с тонкими чертами лица — был благоразумно молчалив и философично задумчив.

БТР продолжал путь уже порезвее. Встречные машины были редки. Издали видя грозное лбище БТРа, они съезжали на обочину, ползли медленно, осторожно или вовсе останавливались.

Дорога извивалась по холмам и мелким

ложбинам. До станции оставалось всего километров десять.

Проехав очередную ложбину, БТР набрал приличную скорость и, не снижая её, въезжал на подъём перед поворотом за скальный слоистый вырост.

— Тупорыло ведёт, — тряхнул головой белобрысый сержант, — Слепой поворот на такой скорости... Опыта нет. Мне бы...

— Притормози, — крикнул в люк Дроздов, — Очумел, что ли!

Притормозить и взять вправо БТР не успел. Из-за поворота выскочила встречная серая легковушка. Водитель её, по всему, тоже не отличался мастерством. Увидев посреди дороги внезапное, надвигающееся бронированное чудище, он в растерянности резко вильнул вправо, машина ударилась боком о выступ скалы, отшатнулась влево, проскочила дорогу перед зубчатыми глыбами колес. БТР вскользь зацепил её правым бортом, отбросил за обочину; машина скатилась с невысокой насыпи, дважды перевернулась и замерла на боку.

БТР остановился. Капитан, за ним сержанты, спрыгнули на землю, побежали к бедолажной легковушке. Старенький «форд» лежал безмолвно-покорно. Из разбитого картера вытекало горячее масло. Признаков дыма и огня, к счастью,

не было.

Дроздов вместе с сержантами и подбежавшим водителем поставили «форд» на четыре колеса. Помятые дверцы не поддавались. Водитель сбегал к БТРу, принёс монтировку. Усилием рычага левую дверцу наконец удалось открыть. В машине находились двое: мужчина и женщина. Мужчина лежал ногами на переднем сиденье, а грудью навалившись на женщину, прижав её к противоположной дверце. Его первым вытащили, положили на траву. В чёрных густых волосах масляно блестела кровь. Нос был скривлен от удара то ли о панель, то ли о лобовое стекло. Дроздов мельком тронул пульс на шее — живой.

Обежав машину, принялся монтировкой открывать другую дверцу, освобождать женщину. Щека, шея и плечо женщины были залиты кровью. Откинув тёмную прядь волос, Дроздов увидел глубокую рану на виске. Бросил взгляд на разбитое стекло дверцы — окровавленное треугольное остриё снизу. Попытался нащупать пульс. «Проклятье! Похоже, ничем уже не помочь».

Он с трудом выволок женщину — нога её никак не высвободилась из-под сиденья — неловко, боком, отпустил на траву, повернул на спину. И лишь теперь увидел её живот. Тонкий белый ситец платья собрался складками сзади и обтянул живот: чуткую живую выпуклость уже

неживой беременной женщины. Живую... Дроздов оцепенело смотрел, как тихонько всколыхивается мягкая ситцевая гладь от беспокойных толчков изнутри. Там, внутри, требовали для себя жизни. Там ещё не понимали, что случилось...

Толчки становились всё слабее и слабее и вскоре прекратились совсем.

— Это ж надо такому, а! — часто моргал ресницами белобрысый сержант, — Чего он рванул под колёса? По тормозам бы... прижался бы к скале, разъехались бы...

— Неужели н-ничего нельзя?.. — прошептал испуганный до меловой бледности водитель, — Скорей в б-больницу её... Разрежут у ней, т-там... как оно... к-кесарево... вытащат, м-может быть...

— Не успеют, — деревянным голосом проговорил Дроздов, — Задохнётся. Задыхается.

На повороте показался попутный уазик. Сержанты, крича и махая руками, бросились к нему.

Дроздов остался стоять над женщиной. Горло ему сдавил когтистый спазм. В голове мерно, чугунно стучало: «ты... эти тоже... эти... тоже... тоже... ты...»

* * *

— Так не бывает!

— Бывает, — сказала Рита и всхлипнула по-детски, — Бывает.

— Может быть, ошиблись они, эти гинекологи. Все же ошибаются.

— Не ошиблись. На УЗИ всё видно. Врач не одна была. Она заведующую отделением пригласила. И еще одного, консультанта. Профессора. Они с ней согласились. Я и сама уже понимала. Чувствовала.

Губы Риты скривились, подбородок задрожал, глаза сузились в слезливые щелки, словно в какой-то девчачьей непролазной обиде (отличница-второкласница получила — о ужас! — оглушительную, невозможную двойку).

— Садись-садись, — Дроздов подвёл её за плечи, усадил на стул возле дверей кабинета, — Что понимала? Как так?

— Что он замер. Замер ребёночек. То он двигался. А то перестал. У них, у троих специалистов — никаких сомнений. Так сказали.

— Гм... Мало ли... Устал, отдохнуть решил.

— Не притворяйся глупым. Замер — это умер. Сердце не бьётся.

— Да отчего ж, ёлки-палки?! — недоумился Дроздов, — Никаких, ведь, причин. Ты ж не падала, не ударялась. Всё, как полагается. Пятый месяц всего.

— Не знаю, — Рита вытирала мокрые глаза

платком, — Ничего не знаю. Направляют в стационар. Сегодня будут извлекать.

— Из... влекать?

— Искусственные роды.

— Как всё... странно... несправедливо...

— Несправедливо, — тонкий слом-истерика в голосе Риты, — В здоровой, живой женщине — мёртвый ребёнок. Несправедливо! Несправедливой быть не может.

По спине Дроздова вдруг скользнула ледяная змея. В висках рассыпался алый стук. Слегка качнулась опрятная стена напротив.

— Не может... — одними губами прошептал он, глядя в притворяющийся паркетом линолеум поликлинического коридора, — Может. Ещё как может. А в мёртвой женщине — живой ребёнок... И такое может... А чья вина? А расплата чья?

— Ты о чём бормочешь? — повернулась к нему Рита, — Не слышу.

— Правильно делаешь, — выпрямился Дроздов, тряхнул головой, возвращаясь в реальность, — Ну что ж теперь. Ну ладно.

— Пойдём, — поднялась Рита со стула. — Мне надо подготовиться, — Голос её стал звонок и далёк.

— Ничего... Мы с тобой ещё молодые, сильные. Всё хорошо у нас будет.

— Ты так уверен?

— А ты нет?

* * *

«Зачем записку эту пишу? Не знаю. Может, положено так — оставлять последнюю записку. А всё уже без слов сказано-пересказано. Понято-перепонято. О нас с тобой. И хватит!

Симон! Ты — большой, добротный, надёжный мужик. Мы прожили с тобой четыре года: не худших четыре года в моей жизни. В твоей тоже, полагаю.

Я ухожу, Симон. Совсем ухожу, я не вернусь, не смогу вернуться. Потухло... во мне. И в тебе... в тебе тоже, не спорь, ты знаешь. Спасибо, Симон, что ты у меня был. Мне было с тобой безопасно, было спокойно, было уютно. Мне было с тобой очень неплохо. Но абсолютно хорошо мне с тобой не было. Ты не виноват. С тобой я прочно стояла на земле. Но летать я с тобой не умела.

Я не могу обмануть тебя. Я ухожу к другому мужчине. Не такому прочному и надёжному. Но с ним я умею летать... пусть так это назовётся. С ним я умею летать, очертя голову, а значит, не ровён час, когда-нибудь могу и разбиться. Плевать, ничего не знаю, не хочу знать, кроме того, что я — женщина. Летающая вздорная женщина.

Прощай, Симон. Попытайся стать счастливым на земле. У тебя может получиться, если научишься забывать. Всё. Всех. И меня».

3. Невелов

Каждый, входящий в кабинет, с порога подвергался плотному разгляду самого Зигмунда Фрейда. Настенный портрет бородача в рамке светлого дерева виделся из любой точки кабинета. Неспешно плывущие по своим странным раздумьям глаза из-за круглых очков успевали доникнуть до мыслей, до настроений всех, очутившихся здесь. Невелов всегда чувствовал себя спокойно и уверенно рядом с образом мудрого смельчака, смогшего распахнуть люк над человеческой психо-бездной.

Впервые входящие всегда поднимали глаза к Фрейду, и Эдуард Арсеньевич старался уловить хотя бы слабые, отпечатлённые тонары их взглядов. Кое-что они означали.

Дроздов посмотрел на портрет внимательно, с уважительным недоверьем. Губы его стали жёстче. Этот человек привык полагаться на себя. К союзникам и друзьям был взыскателен.

— Решение ваше правильное. Не сомневайтесь, — сказал Невелов.

— Н-не уверен. Я здесь по просьбе... по большой просьбе одной женщины.

— Я знаю эту женщину. Она обратилась ко мне. И я заинтересовался вами.

— Что во мне интересного?

— Это тема для разговора. Присаживайтесь.

Тонконогий стул скрипнул от резкого веса; большие руки заняли стол: постук пальцев по крышке выжидателен, непокоен. Нетщательно вытесанное, но правильное лицо, умело бесстрастный взгляд.

— Поговорить — почему бы и нет. А лечиться мне не от чего. Спасаться от себя — незачем.

— Кто вам сказал, что мы от чего-то лечим или спасаем? Наша задача — напомнить людям... намекнуть даже, что всё — в них самих. Полные, так сказать, «боекомплекты» для собственного спасения. А так же и для гибели собственной. Чем воспользоваться?

— Хе... Мои «погибельные комплекты» я все давно израсходовал. Были возможности. Так что, мне неверный выбор не грозит.

— Не сомневаюсь, — в лад ему усмехнулся Невелов. Извините, конечно, но меня слегка просветили насчёт вас, Симон...

— Без отчества. Мне привычной.

— Симон Дроздов. Тридцать пять лет. Капитан запаса. Ушёл в отставку, не дослужив срока. Почему вдруг — в расцвете сил — в отставку?

— По абсолютно собственному желанию. Кое-что понял о себе. И о других.

— Участник боевых действий на Кавказе и в Средней Азии. Бывший командир десантной роты. Ранения. Награды. Перспективы. И всё-таки? Разговор же не праздный у нас.

— Повод прост и банален: конфликт с командованием. Точней, с одним не лучшим его экземпляром.

— Мы — не о поводах. О причинах. Конфликт с собой. Вот разобраться бы в чём.

— Зачем? Это тоже весьма банально, — серые глаза Дроздова упрятаны в прозрачный лёд, — Но в суть вы попали уже. Одно слово. Бывший. Да. Бывший. С некоторых пор главное во мне сделалось бывшим. Настоящее потерялось. Тем паче — будущее. Впрочем, если вы думаете, что я этим новым раскладом сильно удивлён или напуган, вы ошибаетесь. Правильно всё. Логично. Нельзя ничего изменить. Не надо ничего менять.

— Почему так?

— А так справедливее.

— Для кого?

— Для многих. Для тех, кто должен быть, а их нет. Безвинно нет. Не вся, конечно, справедливость. Маленькая её часть.

— Новый расклад, говорите? — задумчиво мял пальцами бородку Невелов, — Всё в прошлом и ничего впереди? В тридцать пять лет?

— Почему ничего? — колючки веселья

из-подо льда, — Впереди... ну, жизнью это назвать нельзя... Назовём сроком заключения. Пожизненный срок. Приговор таков. Всецело согласен с ним. По заслугам.

— Чей приговор-то?

— Не мой, не мой, к сожаленью. Я б посуровой вынес. Не наделен правом себя судить.

— Так чей приговор?

— Не знаю. Высокопарных словес не люблю. Сам собою вышел. Приемлю.

— Приемлю?.. Не приемлете! — жёстко, зло разрубал лёд Невелов, — Раз ко мне пришли — не приемлете. И я не приемлю таких приговоров. Давайте попробуем... нет, не снять, не смягчить, ни в коем случае. За виною неминуема кара? Давайте попробуем кару превратить в искупление. И поищем образ его.

— Это каким же манером, интересно?

— Есть у нас один странный шанс...

4. Синички

Мамкины глаза весело блестели. И улыбалась она чересчур весело, хотя не из-за чего было так уж веселиться. От мамки шёл запах духов и другой несильный, но неприятный запах. Девочки знали уже, что это запах вина. Вот отчего веселье. Выглядела мамка празднично, в своём лучшем

вишнёвом платье, с ярко розовыми бусами, с новыми блестящими сережками в ушах. Рядом с ней стоял незнакомый высокий дядька, очень коротко постриженный, почти лысый, и тоже улыбался. И от него тоже пахло вином.

— Вот они, мои два сокровища, — сказала мамка тянучим, слегка неправдашным голосом, — Два моих херувимчика. Эля и Юля — две моих нотки «ля». Разве они не прелестны!?

— Как ты их различаешь? — сказал дядька громко и гулко, словно, из бочки, — По одежде, что ль?

— Мать знает, как различать. Редко, кто различает. Отец даже не различал. У Эли волосики чуть-чуть светлее. У Юли глазки чуть-чуть синее. Эля на пятнадцать минут старше. Она нежная, добрая, покладистая. Юля на сантиметр выше. Она упряменькая и хитренькая. Они дополняют друг друга. Неделю назад у них были именины. Им исполнилось по десять, моим птенчикам.

— Поздравляю, — заявил дядька, приподняв лохматые брови, — Вот вам маленькие подарки.

Он порылся в своём пакете, звякнув стеклянно-бутылочно. Достал две шоколадки. Эля, робко протянув руку, взяла. Юля сидела неподвижно, исподлобья глядя на гостя. Он положил шоколадку рядом, на стол.

— Это Василий... Петрович. Он очень

хороший человек, — объяснила мамка прежним тянучим голосом, — Мне он оч-чень нравится. Надеюсь, и я ему тоже... — она сощурила глаза на Василия Петровича, — И он обязательно понравится вам, синички. Может быть даже, у вас появится наконец-то настоящий папа.

Дядька озабоченно вздохнул, поскрёб пальцами свой большой подбородок.

— Почему бы и н-нет... — пробормотал он из своей невидимой бочки.

— Всё будет замечательно. Разместимся. Ничего, что одна комната. У вас свой уголок. У нас свой будет... Перегородим. Ширмочку поставим. А там — придумаем что-нибудь. А сейчас — ужинать, ужинать, синички.

— Спасибо, мы уже поужинали, — сказала Юля, — Мы спать пойдём.

— Поздно уже. Завтра в школу, — добавила Эля.

Из противоположного угла комнаты, из-за занавески слышалась постельная возня, сопенье, смешливый шепот.

Юля поднялась, села, свесив босые ноги. За ней поднялась Эля. Они молча посидели на своих сдвинутых к углу спинками кроватях, разглядывая сквозь сумрак тусклый расплыв окна, отгороженного занавесью из большого куска ситца. По полу гулял сквозняк, и ногам было зябко.

— Чего он сопит и кряхтит, как?.. — тихонько спросила Эля и смущённо умолкла, догнав глупость вопроса.

— Как коз-зёл, — зло закончила Юля, — Думают, что мы куклы; ничего не слышим.

— Неужели мы так и будем теперь... вчетвером?

— Надо сделать, чтобы он больше не приходил.

— А как?

— Как?.. Я знаю, как. Я подожду, пока он уснёт. Возьму большие ножницы, подкрадусь потихоньку...

— Ой! Ты с ума сошла!

— Возьму, отрежу у его штанов пол-штанины. Пусть идёт домой, как клоун.

— Ага. Он нам даст утром.

— Ничего он не сделает, мы маленькие. Мамка, конечно, потом устроит выволочку. Зато он больше не придёт.

— Юля!..

— Ты спи. А я за ножницами. Они где-то в тумбочке, в коридоре.

— Юлечка, не надо, прошу тебя, пожалуйста!

— А чего мы должны терпеть.

— Он, может быть, и так не придёт. Ну, давай спать будем. Ложись, успокойся. Ну, Ю-юль! Мы заснём сейчас. А давай на головы подушки

покладём, а? Не будет слышно...

* * *

— Что, опять? — раздражённо сказала Юля, — А сегодня какой праздник? Опять у нас праздники начались?

— Не твоё соплячье дело, — пьяненько огрызнулась мать, убирая бутылку со стола, задвигая её под стол, за банки с консервациями.

— Мама, ты же обещала! — дрогнул голос расстроенной Эли, — Ты же клялась... нашим, своим здоровьем... «От-сейчас — новая жизнь» — так?

— Обещала, — хлюпнув носом, согласилась мать, — Но с-сегодня можно. Психо... з-защита от внешнего неблаго...

— А может, нам с тобой за компанию? — ехидно прищурилась Юля, — У нас, может, тоже «неблаго». Я, может, в школе двояк получила. Сядем, нажрёмся втроём, по-семейному.

— Не смей грубить м-матери! Я на вас... всю жизнь!.. Одна... Из кожи вон... День и ночь... Как проклятая!.. Чтобы были сыты... одеты... Чтобы всё, как у людей... П-пятнадцать лет без продыха... А они... ещё издеваются!..

— Что случилось, мама? Успокойся, — Эля присела перед ней на корточки, взяла её руку в свои

ладони.

— Ну ладно, ладно... — Юля примиряющее погладила её по плечам, — Всё хорошо.

— Ничего не хорошо! — всхлипнула мать, вытерла глаза ладонью, размазывая по щекам тушь, — Всё, как раз, очень плохо.

— Что, всё-таки, случилось?

— Увольняют меня, вот что. Не только меня. Наш цех вообще ликвидируется. Всем — выходное пособие... и привет. А сейчас знаете, как трудно найти работу!

— Всё равно, это не повод для паники. Тем более, для пьянки, — твёрдо заявила Юля.

— Нервы у меня... накатило всё... — смущённо-виновато улыбнулась мать, — Вот психанула... сама не знаю... Простите, а? Синички...

— Тебя прощаем. Водку — нет, — Юля достала из-под стола початую бутылку, подошла с ней к кухонной раковине, испытывающе обернулась к матери (та покорно вздохнула). Торжественно вылила содержимое.

— Ничего, мамуль, — бодро сказала Эля, — Выкрутимся. Нас ведь трое, как-никак.

* * *

«Открытие нового автомобильного

супермаркета. Всё — для автомобиля и его владельца. Первые три дня цены снижены на десять процентов. Спешите успеть!».

Эти погремущи-слова они пробалтывают, прокрикивают уже четыре часа подряд, подбегая к тормозящим на красный свет машинам. Если водитель хоть краем глаза глянул на них, протягивают в окно цветастые рекламные листовки. Некоторые берут. Некоторые небрежно качают головой. Некоторые вообще их не замечают.

Занятие нудное и канительное: машин на перекрёстке полным полно, останавливаются они вплотную друг к другу; приходится лавировать, уворачиваться от подъезжающих, быстро убираться с их пути при включении зелёного света; иначе — рывкают клаксоны, и из кабин в твой адрес несутся слова, мало похожие на комплименты. Кроме того, надо бдить, чтобы гаишник какой не нагрязнул, не застукал.

Две толстенные поначалу пачки рекламных листовок подходят к концу. Эля и Юля переглядываются, друг с другом уже повеселей. Сегодня быстро управились. Заработали по тридцатке. Не Бог весть, какие деньги, но лучше, чем ничего. Их работодатель, менеджер этого распрекрасного автосупермаркета, дважды появлялся на перекрёстке, наблюдал за их деятельностью. Пока он ими доволен.

Полдня позади, конец работы близок, настроение улучшается. Правда, слегка покруживается и побаливает голова — надышались выхлопными газами от бесчисленного автомобильного стада.

Из огромного чёрного джипа молодецкий голос: — Эй, красавица, шагай сюда. За рулём — кругленький картофеленосый старичок, гном-переросток. — Давай-ка твои фантики, — он забрал у подошедшей Эли оставшиеся листовки, — Знакомым раздам. Все стройными рядами придём в твой супермаркет. Тебе, небось, надоело здесь угорать?

— Надоело, — призналась Эля.

— Так... Я встану там, за перекрёстком. Подойдите. С сестрой. Поговорим.

Джип рванул на загоревшийся зелёный.

— На фиг он сдался, — презрительно скривила губы Юля.

— Ну чего... Вроде, приличный дедок. Интересно, что скажет. Пойдём.

Рядом с роскошным хищным джипом стоял, дисгармонируя с ним, простенький, вполне травоядно улыбающийся «гном», не такой уж старый, на ближний разгляд.

— Девчонки, сколько вы тут зарабатываете?

— По тридцатке.

— Во, грабители, душегубы! — огорчился

он, — Предлагаю вам маленькую разовую работу. На пару-тройку часов. Оплата — вдесятеро больше, чем здесь.

— Че-го?! — окрысилась Юля.

— Дитя моё, что за глупости у тебя в голове! Уборку в доме нужно сделать. В моём доме. Хорошую уборку. Завтра старинные друзья приезжают. Хочется встретить их в порядке-уюте. А домработница, как назло, заболела. Я привезу вас и отвезу домой, засветло всё успеем. Порядочность гарантирую.

— Нет, — отрезала Юля, — Мы с незнакомыми мужчинами не ездим куда попало.

— Меня зовут Станислав Семёнович. Я работаю адвокатом. Теперь я вам знакомый мужчина, — засмеялся «гном». Смеялся он хорошо, добродушно. — Девчонки, ну пожалуйста, выручите. Очень надо. Быстренько сделаете уборку — и домой. С денежками. Ну посмотрите на меня! Я безобидный человек. Я один. К тому же — старый. А денежки, ведь, на дороге не валяются.

— Секунду, — сказала Эля, беря за локоть Юлю, отводя в сторону, — Щас мы решим...

* * *

— Как это вы один в лесу живёте? — недоверчиво спросила Эля.

— Ну, во-первых, не в лесу, а просто в лесном массиве. До города — рукой подать. Во-вторых, совсем не один. Домработница. Верней, домоправительница. Это, которая сейчас в больнице, желчнокаменная болезнь у ней приключилась. Охранник: он в отгуле, дочку замуж выдаёт.

— Сколько комнат в доме? — деловито осведомилась Юля.

— Всего двенадцать. Но убирать не во всех, конечно. Только первый этаж.

— Как красиво! — Эля восхищённо озидала просторный зал со стенам, обитыми серебристым гобеленом, с пышными, витонгими креслами, с книжным шкафом старинного тёмно-вензельного изыска. На узорчатом паркете распласталась медвежья шкура, оскаленная голова стеклянно смотрела на облицованный изразцами камин. На стене, на гранатовом однотонном ковре, развешены сабли, кинжалы, шпаги, японские мечи с затейливой отделкой рукояток и ножен.

— Настоящие? — с любопытством приблизилась к коври Юля.

— Больше, чем настоящие, — с гордым удовольствием пояснил Станислав Семёнович, — Коллекционные. Люблю острую сталь. Маленькая слабость. Ты тоже, судя по твоим глазкам, равнодушна. Хочешь подержать в руках?